

УДК 323

DOI: 10.31857/S268667300012339-2

Свет и тени американской исключительности

В.Н. Гарбузов

Институт США и Канады РАН,

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3;

Псковский государственный университет

Российская Федерация, 180000, Псков, пл. Ленина, 2.

ORCID: 0000-0002-8725-7727

e-mail: v.garbuzov@iskran.ru

Статья поступила в редакцию 21.09.2020.

Резюме: В статье рассматривается феномен американской исключительности. Автор показывает, что это явление объективное, имеющее свои исторические корни и идейные истоки. Оно отражает суть американского народа, представляя его изначальную и неотъемлемую черту. Анализируются главные источники, повлиявшие на формирование американской исключительности: своеобразие исторического пути США, отсутствие феодализма, новая форма государственного устройства, демократия, географические факторы, иммиграция, религия и др.

Ключевые слова: американская исключительность, уникальность, идентичность, лидерство, доминирование, индивидуализм, американская мечта, фронтир, американский запад, экспансионизм, изоляционизм, глобализм, атлантизм, доминирование

Для цитирования: Гарбузов В.Н. Свет и тени американской исключительности. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2020; 50 (11) 5-21.

DOI: 10.31857/S268667300012339-2

The Light and Shadow of American Exceptionalism

Valery N. Garbuzov

Institute for the USA and Canadian Studies

Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069 Russian Federation;

Pskov State University

2 Lenin Square, Pskov, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8725-7727

e-mail: v.garbuzov@iskran.ru

Received 21.09.2020.

Abstract: The article deals with the phenomenon of American exclusivity. The author shows that this phenomenon is objective, having its own historical roots and ideological origins. It reflects the essence of the American people, representing their original and inherent feature. The main sources that influenced the formation of American exclusivity are analyzed:

the uniqueness of the historical path of the United States, the absence of feudalism, the new form of government, democracy, geographical factors, immigration, religion, etc.

Keywords: American exclusivity, uniqueness, identity, leadership, dominance, individualism, American dream, frontier, American West, expansionism, isolationism, globalism, atlantism, dominance

For citation: Garbuzov V.N. The Light and Shadows of American Exceptionalism. *USA & Canada: Economy, Politics, Culture*. 2020; 50 (11): 5-21. DOI: 10.31857/S268667300012339-2

ВВЕДЕНИЕ

«Самое ценное, что есть у целого народа или отдельного человека, – это его характер». Эти слова 26-го президента США Теодора Рузвельта, высеченные на гранитных плитах мемориала, расположенного на острове его имени, на берегу реки Потомак в Вашингтоне, как нельзя лучше передают смысл того, что обычно понимают под главной особенностью или уникальностью народа, или страны.

Действительно, всякое государство, как и любая личность, имеет и свою индивидуальность, и собственную биографию. У каждой страны есть свой адрес и даже своё национальное здоровье. Нации, как и люди, болеют. И так же, как и люди, выздоравливают. И Соединённые Штаты Америки в этом не исключение.

УНИКАЛЬНОСТЬ НАЦИИ

Термин «американская исключительность» уже давно стал неотъемлемым элементом прежде всего исторической американистики. Но не только. Перекочевав за границы научного знания, это понятие прочно вошло в современный политический лексикон. Наряду с историками его часто применяют нынешние российские патриоты-неофиты, наполняя порой новым смыслом, искажающим истинное содержание.

Сегодня проблема «американской исключительности» [1] широко используется в России в пропагандистских целях, приобретая при этом явную антиамериканскую направленность. Порой её преподносят в виде стремления США представить собственный народ как отличную от других, особую, исключительную нацию, чуть ли не «высшую расу» на земле. Иногда идеи эти (видимо, в пылу агитационно-пропагандистского запала и по причине дефицита соответствующих знаний) даже весьма ответственные лица сравнивают с идеями, культивировавшимися Гитлером во времена Третьего рейха, обвиняя США в вечном стремлении к национальному превосходству [2]. Забывают при этом, что сама американская нация складывалась из других народов, превратившись со временем в нацию всех наций.

Между тем, американская исключительность – это вовсе не миф. Это явление объективное, имеющее свои исторические корни и идейные истоки. Именно в ней и состоит суть американского народа, его изначальная и неотъемлемая черта. И связана она, конечно же, не с утверждением собственного превосходства в духе Адольфа Гитлера, а прежде всего с *исключительностью и уникальностью своеобразного исторического пути США* (отличного от европейских стран), приведшего их к особому месту в мире. Осознание этого позволит лучше понять ту страну, с которой у России на протяжении многих десятилетий, по ряду причин, выстраиваются крайне неровные отношения.

Главным элементом американской исключительности является то, что и представляет собой сама американская нация (которую порой считают искусственно созданной). Сформировавшаяся из иммигрантов, собравшихся в первых 13 колониях Англии, вынужденных и добровольных переселенцев из других стран, объединившихся, сознательно или интуитивно, вокруг идей и ценностей эпохи Просвещения (народный суверенитет, свобода, права человека, частная собственность, гражданские свободы), закреплённых в первых документах Войны за независимость – Декларации независимости, Конституции США и Билле о правах, эта нация с самого своего рождения привлекала внимание окружающего мира. Регулярно пополняемая многочисленными иммиграционными потоками из всех стран и со всех континентов, американская нация сегодня включает все расы, этносы и религии мира, став уникальным социальным и государственным феноменом.

Но при этом важно понимать, что североамериканское общество, как справедливо отмечает В.В. Согрин, «начиналось не с чистого листа, оно возникло в XVII веке как продолжение английской и в целом западной цивилизации. В Новый Свет были перенесены цивилизационные характеристики, уходящие корнями в Древнюю Грецию и Древний Рим, затем возрождавшиеся и развивавшиеся в разных странах Западной Европы, а наиболее успешно в Англии. Среди них мы обнаруживаем идеи автономии личности и её индивидуальных прав в отношении государства, договорного и представительного характера власти, уважение к частной собственности. Своеобразие же укоренения этих ценностей в Северной Америке заключалось в том, что в Новом Свете возможности для их дальнейшего развития оказались во многом более благоприятными, чем в Старом» [Согрин В.В., 2011: 15].

Само образование США в 1776 г. – первого демократического государства в тогдашнем полуфеодальном окружении, объявившего идеи Просвещения основой своего устройства, провозгласившего принцип *народного суверенитета* (в противовес царившему тогда в Европе провиденциализму) главным в отношениях власти и народа, а систему разделения властей – каркасом всего механизма республиканского государственного управления, составляет ещё один

элемент, лежащий в основании американской исключительности. Многие тогда не верили в жизнеспособность и перспективы нового созданного на британской колониальной окраине государства, предрекая его неминуемый крах после нескольких лет безуспешного и бесславного существования.

Тем не менее, несмотря на тогдашний пессимизм, оно стало признанной колыбелью современной *реализованной демократии*, представляющей собой построенный на принципах сдержек и противовесов сложный и многоступенчатый механизм согласования групповых интересов, инструменты которого (политические партии, институт президентской власти, Конгресс, система лоббизма, пресса) складывались в процессе формирования и эволюции государственной машины США.

Следует учесть, что сама американская демократия появилась как несовершенный и далёкий от идеала феномен, за пределами которого первоначально оказались прежде всего неимущие, женщины и негры. С рождения она была усечённой и охватывала в основном имущее белое мужское население Нового Света. Однако с течением времени, в результате упорной борьбы обездоленных слоёв населения за свои права и последующих социальных и политических уступок со стороны правящего класса, происходила демократизация избирательного права (Прогрессивная эра), вводилось социальное законодательство («Честный курс» Т. Рузвельта, «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта, «Справедливый курс» Г. Трумэна, «Новые рубежи» Дж.Ф. Кеннеди, «Великое общество» Л. Джонсона), укреплялась и расширялась сама демократия, распространяясь на новые социальные и расово-этнические группы американского общества, вовлекая тем самым их в орбиту общественно-политической активности.

Эта сила противостояла накапливавшимся внутренним противоречиям, не доводя их до масштабных социальных потрясений, реформируя при этом сам характер отношений между трудом и капиталом, направляя его во всё более согласительное и социализированное русло. Именно этот *универсальный механизм преодоления общественных разногласий и согласования интересов различных социальных групп с целью обеспечения общественного консенсуса* со временем стал восприниматься самими же американцами как главное достижение собственной нации, которое они посредством внешнеполитической и культурной экспансии стали предлагать всему остальному миру.

Нынешний глобальный *американский экспансионизм*, питательной средой которого явились и отголоски былой континентальной экспансии, и глобализирующийся характер современной американской экономики, и внешнеполитический мессианизм, направленный на формирование новых геополитических полей, является не только результатом перешагнувшего собственные границы

американского своеобразия, но и способом защиты, отстаивания и продвижения своих интересов за пределами национальной территории.

Важной составляющей, определившей специфику исторического пути США, было изначальное *отсутствие* в Новом Свете *феодализма* и связанных с ним общественных и государственных традиций и отношений. То, что сдерживало и тормозило развитие буржуазных отношений в средневековой Европе и фиксировало вековую отсталость России (личная зависимость, крепостное право, помещичье землевладение, наследственное дворянство, монархия), в Северной Америке отсутствовало. Капитализм развивался здесь стремительно на свободной, а потому на более прочной и глубокой основе, притягивая всё новые и новые потоки иммигрантов и предоставляя уникальный шанс для экономического и социального продвижения личности. Предпринимательство стало главным предназначением и мечтой переселенцев и их потомков. Даже высокооплачиваемые наёмные квалифицированные рабочие, считавшие всё же своё положение вынужденным и временным, надеялись на переход в иную, более высокую социальную группу, а вместе с ним – и на обретение собственности, большей свободы и экономической независимости.

Существенной частью американской исключительности стал *протестантизм*, в частности пуританство, пустившее корни в Новой Англии и в разной степени распространившееся позже, в процессе континентальной экспансии, на большинство штатов и территорий. Оно стало основой духовных и поведенческих особенностей американцев. Пуритане отличались религиозным фанатизмом, обладали строгими нравами, аскетизмом, практичностью и расчётливостью, трудолюбием и бережливостью, а также убеждённости в своей исключительности и даже в богоизбранности. Предприимчивость, стремление полагаться прежде всего на свои собственные силы, а не обращаться к государственным властям за содействием, стало важной чертой американского *индивидуализма*, формировавшего поведенческие основы и трудовую этику многих поколений американцев.

Именно индивидуализм стал концептуальным идейным воплощением этого отношения к жизни, закреплявшего прежде всего первенство неотъемлемых прав индивидуума, личности, а вместе с ним – главенство интересов общества, а не государственной власти. Изначально американский индивидуализм был основан на вере в безграничные возможности развития способностей человека, на их целенаправленной реализации и достижении на этой основе личного успеха, к которому так стремились многочисленные переселенцы.

Не следует забывать и о том, что существование на осваиваемых территориях так называемого *фронтира* – подвижной западной границы как следствия континентальной экспансии и продвижения на запад, служило важным фактором формирования и класса самостоятельных землевладельцев-фермеров, и исключи-

тельного характера складывавшейся американской нации. Её непохожесть на остальные народы, скованные феодальными традициями и предрассудками, была совершенно очевидна. Фронтир до конца XIX века являлся постоянной величиной – своеобразной американской мечтой, он двигался на запад континента и звал за собой не боявшихся рисковать всё новых и новых пионеров, закаляя их характер и формируя дух предпринимательства и личного успеха.

География всегда играла исключительно важную благоприятную роль в истории США, закрепляя их особый *геополитический статус*. Естественная защита со стороны двух океанов (Атлантического и Тихого), удалённость от главного цивилизационного центра – Европы, являвшейся не только очагом средиземноморской цивилизации, но и источником периодических войн и конфликтов, создавала для развития Нового Света необыкновенно благоприятные условия. Отсутствие на континенте крупных войн, интервенций, оккупации значительных территорий способствовало формированию у американцев особой идеологии *изоляционизма*, которая культивировалась в массовом сознании многих поколений, став основой внешнеполитического курса этого государства в XIX – первой трети XX века.

Существенную роль в формировании идеи американской исключительности играла убеждённость отцов-основателей США и их преемников в *универсализме* американских ценностей. В самом деле, один лишь короткий отрывок из Декларации независимости США, появившейся 244 года назад, содержал краткий, но ёмкий перечень постулатов, ставших принципами выстраивания новых отношений между народом и властью не только для колонистов, но и, как оказалось, для всех последующих поколений:

«Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определёнными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых.

В случае если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить её и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье.

Разумеется, благоразумие требует, чтобы правительства, установленные с давних пор, не менялись бы под влиянием несущественных и быстротечных обстоятельств; соответственно, весь опыт прошлого подтверждает, что люди склонны скорее сносить пороки до тех пор, пока их можно терпеть, нежели использовать своё право упразднять правительственные формы, ставшие для них привычными.

Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчинённых одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа» [3].

С неприятием американцами практики деспотизма связана и их предубеждённость к различного рода централизации, властным вертикалям и внешнему давлению (этим главным источникам деспотизма). Это особое свойство родившейся нации было подмечено ещё в 1835 г. А. де Токвилем, считавшим всякую централизацию «превосходным тормозом в любых начинаниях, а не стимулом для их осуществления». «Человеку необходима свобода действий, сознание ответственности за свои дела. В противном случае он предпочитает оставаться в бездействии, нежели двигаться не по своей воле к неизвестной ему цели» [Токвиль А. де, 1992:87]. Эти воззрения надолго вошли в философию американизма, став как одной из её постоянных величин, так и обоснованием сложившейся в этой стране за десятилетия системы децентрализации власти.

Не секрет, что и сама *Конституция США*, оказавшись первой писаной конституцией в мире, утверждавшей демократическую республику, явилась образцом для последующих поколений и государств, перенивших эту форму правления. Благодаря ей остальные страны и народы восприняли и институт президентской власти, и систему разделения властей, и принцип сдержек и противовесов, не подвергая сомнению их универсализм и всеобщность.

Построенное на сочетании противоборства и поиска компромисса взаимодействие президента и Конгресса, например, не позволяет монополизировать внутриполитическое пространство, став само по себе реальным и действенным инструментом его эволюции. Парадокс, но даже современная Россия, в которой антиамериканизм оказался культивируемой государством культурой последнего десятилетия, живёт по Конституции, содержащей принципы первой конституции мира.

Ярким выражением американской исключительности, её воплощением в массовом сознании, стала *«американская мечта»* – собирательное понятие, выражающее безграничный потенциал возможностей этого нового «града на холме», привлекательный и манящий образ, всё ещё притягивающий миллионы страждущих со всего мира. США до сих пор представляют собой главный объект притяжения мировых иммиграционных потоков [Филиппенко А.А., 2019]. Ежегодно эта страна принимает более 1 млн легальных и нелегальных иммигрантов, стремящихся с помощью переезда поменять судьбу, добиться личного успеха и решить свои жизненные проблемы [Hoefler M., Campbell Ch., 2005, 2006].

Убеждённость в том, что они – не только разные, но и другие, сопровождает американцев от колониальных времён до наших дней. Это именно тот исторический код, который склеивает самое сегментированное и разделённое общество в мире, вне зависимости от поколений, появляющихся новых иммиграционных сегментов и меняющегося соотношения между ними.

АМЕРИКАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Декларация 1776 г. об образовании нового государства была обнародована до формирования всех необходимых предпосылок государственности. Отсутствие единого экономического пространства, единой валюты, унифицированных принципов управления, да и самого опыта государственного руководства, означало, что всё это ещё предстояло создать.

К тому же объявление о независимости 13 колоний и образование США предшествовали как окончательному складыванию американской нации, так и осознанию национальной идеи и самой американской идентичности (самосознания). Ведь процессы формулирования и формирования национальной идеи, осознания переселенцами общности языка, культуры, истории, религии, территории и процессы складывания государства проходили почти одновременно, развиваясь параллельно, в предельно сжатые исторические сроки.

О том, что же представляет собой американская идентичность, спорят до сих пор. При этом задают справедливые вопросы: если иммигрант может стать американским гражданином, то может ли он одновременно обрести и национальную принадлежность со всеми её атрибутами?

Специфика этой нации такова, что десятилетиями она формировалась на основе не одного или двух, а нескольких десятков этносов мира, вносящих свои этнопсихологические, языковые и культурные характеристики в общий состав американского национального единства. Именно это и стало главной имманентной особенностью и уникальностью американского социума на многие поколения.

АМЕРИКАНСКОЕ ЛИДЕРСТВО

Переплетение всех этих факторов, ставших не только объективной составляющей американской исключительности, но и вошедших в массовое сознание нации благодаря систематическому и настойчивому общественному внушению, и стало тем историческим наследием, которое передавалось в США из поколения в поколение. Его воспринимали не только граждане этого государства, но и прибывающие легальные и нелегальные иммигранты. Причём распространение этого наследия не ограничивалось лишь границами Соединённых Штатов. Оно

стало своеобразным магнитом, притягивающим новых переселенцев и формирующим иммиграционные потоки со всех частей света.

Со временем, особенно в XX веке, само понятие американской исключительности, первоначально связанное с особенностями формирования американской нации и её расово-этнического состава, а также с принципами, которые легли в основу созданной демократической республики, наполнялось новым содержанием, эволюционировало и приобрело современный дополнительный контент. В условиях перехода от континентальной экспансии к политике интервенционизма, а позже и к политике глобального экспансионизма, оно стало увязываться и с идеями американского лидерства, и с теорией глобального доминирования, превратившись в главный инструмент внешнеполитического воздействия в мощном идейном арсенале Государственного департамента США.

Первая заявка на мировое лидерство от США прозвучала в конце Первой мировой войны, когда в результате экономического рывка они превратились в главную индустриальную державу мира. Президент Вудро Вильсон предложил своё видение послевоенного мирового устройства, изложив в послании Конгрессу 8 января 1918 г. свои «Четырнадцать пунктов». Однако в то время его идеи не нашли поддержки ни внутри страны, ни за её пределами и так и не воплотились в жизнь. Слишком сильны были позиции и европейских традиционалистов, и тогдашних изоляционистов в самих США, которые не поняли президента, видевшего гораздо дальше своих современников.

Вторая заявка на глобальное лидерство исходила от США уже после окончания Второй мировой войны, после которой заокеанская держава, всё же преодолевшая изоляционистский синдром и ещё прочнее закрепившая своё лидирующее место в мировой экономике, действуя при этом более решительно и говоря одним голосом (прежде всего в лице президента *Франклина Д. Рузвельта*), сумела оказать существенное влияние на послевоенное устройство мира.

Проводимая впоследствии Соединёнными Штатами политика глобального сдерживания коммунизма лишь укрепила их мировое лидерство, превратив в главную супердержаву второй половины XX века. Будучи «вмонтированной» во все внешнеполитические доктрины Соединённых Штатов, идея американского лидерства перекочевала через их границы, распространяясь по всему земному шару, способствуя тем самым формированию идейных основ экспансионистской глобальной внешней политики этой уникальной всепроникающей неформальной империи современного мира [Печатнов В.О., Манькин А.С., 2018; Шишков В.В., 2014].

Все американские президенты воспринимали происходящее в мире именно через призму американской исключительности, давно ставшей обязательным встроенным элементом философии поведения США в мире. И 45-й президент США Дональд Трамп, пытающийся предстать в облике крупного государственного реформатора и «вернуть Америке былое величие», делает это, отталкиваясь именно от бесспорности идей американской исключительности и неоспоримого американского лидерства.

Конечно, мировое лидерство может осуществляться по-разному. Можно вести за собой весь земной шар или хотя бы часть его, упорно навязывая другим государствам и народам собственную модель и волю, вынуждая их при этом поступать так, как велит мировой суперлидер, используя при этом формы экономической или иной зависимости.

Но может быть и иная модель лидерства: влиять на других *силой собственного примера*, формируя при этом у ведомых внутренние мотивы, убеждение и стремление идти за таким признанным лидером. В этом случае такое государство-лидер не только само движется вперёд, но и, как локомотив, тянет за собой остальных – тех, кто это лидерство признаёт добровольно. Именно в этом и состоит подлинное величие глобального лидера, к осознанию которого мир, похоже, пока не пришёл.

ОТВЕТЫ АМЕРИКАНСКОМУ ЛИДЕРСТВУ

Как же остальным жителям Земли ужиться с этой амбициозной страной, считающей себя «исключительной», свои ценности – универсальными, своё внешнеполитическое поведение – правильным и стремящейся (в отсутствие серьёзной внешней конкуренции) распространить собственные принципы и институты на остальные народы? Как вести себя с таким государством-лидером, претендующим на глобальное имперское доминирование, и имеющим при этом, однако, свои интересы и преследующим собственные цели? Это те вопросы, которые поставили перед остальным человечеством Соединённые Штаты давно: и самим фактом своего возникновения, и небывало быстрым подъёмом, и чрезвычайной глобальной внешнеполитической активностью. Ответы на них разные.

Советский ответ. Наиболее прямолинейным и конфронтационным ответом на заявку США на мировое лидерство после Второй мировой войны стал ответ Сталина, инициировавшего на волне победы над нацистской Германией создание системы советских союзников-сателлитов и советских геополитических полей (сфер влияния), способных блокировать и уравновесить американские экспансионистские притязания. Его преемники (от Маленкова, Хрущёва до Горбачёва) восприняли его, формируя зеркальный американскому внешнеполити-

ческий курс СССР. Такая модель внешнеполитического поведения способствовала формированию биполярного мира и длительной конфронтации двух супердержав на чёткой идеологической основе – так называемой холодной войне, которая не переросла в прямое столкновение между ними только благодаря сдерживающей роли ядерного оружия и созданному механизму конфронтационного регулирования (в частности режиму контроля над вооружениями). В итоге СССР и США оказались двумя державами современного мира, разработавшими и воплотившими в жизнь геополитические программы, нацеленные на глобальную экспансию и собственное превосходство.

Идейным ответом СССР на концепцию американской исключительности стал тезис о неизбежности гибели капитализма и победе социализма во всемирном масштабе – осовремененный вариант провалившейся идеи мировой пролетарской революции, в которую так свято и безоглядно верили первые советские большевики и лидеры Коминтерна. Закончившаяся в итоге в 1991 г. распадом истощённого гонкой вооружений советского полюса холодная война ушла в прошлое, освободив место для создания новых центров силы, формирования новых геополитических полей, иных международных интеграционных структур и военно-политических блоков.

Китайский ответ. После Гражданской войны 1946–1949 гг. и образования КНР в 1949 г. США не признали коммунистический материковый Китай, выстраивая отношения с режимом Чан Кайши и Китайской Республикой (Тайвань). Не признавший ни советского, ни американского лидерства и вышедший в 1960-е годы из советского блока маоистский Китай стал проводить особый курс, борясь против «американского империализма» и «советского гегемонизма» одновременно. Так продолжалось более десяти лет, после которых США решили взять инициативу в свои руки и «разыграли китайскую карту», используя при этом советско-китайские противоречия. Усилия Г. Киссинджера, в то время помощника президента по национальной безопасности, и визит президента Р. Никсона в КНР в 1972 г. изменили ситуацию: в 1979 г. США установили дипломатические отношения с КНР. Это был пролог к новому этапу её развития – реформам Дэн Сяопина, которые кардинально изменили внешнеэкономическое и внешнеполитическое поведение материкового Китая. Они открыли его для иностранных инвестиций и американского проникновения. Небывалый экономический подъём, обеспеченный западными странами во главе с США, превратил КНР не только в «мастерскую» современного мира, но одновременно и в стратегического партнёра, и в главного экономического конкурента Соединённых Штатов, не только противоборствующего, но и взаимосвязанного с ними. Правда, китайско-американская модель взаимодействия, основанная как на противоборстве и конкуренции, так и на переплетении и взаимозависимости двух экономик, сегодня даёт существенные сбои.

Европейский ответ. В отличие от советского, европейский ответ не был конфронтационным. После Второй мировой войны он формировался в русле безоговорочного признания американского лидерства и в рамках так называемой политики *атлантизма* и выстраивания «трансатлантической солидарности», ставшей отныне основной линией американско-европейских отношений. Союзнические отношения, сложившиеся в годы Второй мировой войны между США и Великобританией, американская помощь западным странам после войны послужили основой такой политики. Наступление холодной войны и сдерживание коммунизма требовало укрепления позиций США в Европе, и американский зонтик безопасности превратился в постоянно действующий фактор современности. Время от времени между западными союзниками возникают трения (президентство де Голля во Франции, нынешняя политика Трампа по вопросу взносов в НАТО), которые вряд ли всерьёз подорвут устои союзнических отношений и поставят под сомнение сам факт американского лидерства.

Российский ответ. Внешнеполитическое поведение новой России после распада СССР не отличалось последовательностью. В течение первого десятилетия её внешнеполитический курс был направлен на интеграцию в западное пространство и его институты. Однако проблема американского лидерства, а вернее нежелание его открытого признания со стороны России, стало существенным тормозом в его реализации. Кардинальная смена курса произошла с приходом на пост президента РФ В.В. Путина, который развернул его в ином направлении: открытое неприятие американского лидерства, антиамериканские декларации, дипломатическое и геополитическое (присоединение Крыма, события в Донбассе) противодействие США были расценены Западом как проявление открытого российского реваншизма, как неприкрытое стремление России восстановить свою роль великой державы. Американским ответом на подобные действия явились антироссийские санкции, направленные на сдерживание и корректировку её внешнеполитического поведения и торможение развития. Нынешняя модель российско-американского взаимодействия сформирована вокруг новой, негативной, повести дня, а именно – санкционной спирали, которая и стала главным стержнем асимметричной конфронтации двух стран: США – супердержавы, победившей в холодной войне, и России – главной наследнице СССР – супердержавы, проигравшей и развалившейся в ходе биполярной конфронтации [Рогов С.М., 2020].

Конечно, приведённый выше перечень не исчерпывает существовавшие в истории и формирующиеся ныне ответы американскому лидерству. Существуют кубинский, иракский и иранский ответы. Несомненный интерес представляет то, как воспринимают американское лидерство на постсоветском пространстве: в Балтийских государствах, в Грузии, Белоруссии, Украине, государ-

ствах Центральной Азии, в Азербайджане и в Армении. В различных регионах мира американский феномен воспринимается по-разному. Причины неоднозначного восприятия США, их институтов и их политики (особенно внешней) кроются в особенностях воспринимающего субъекта (народа, страны, региона).

Так, в незападных консервативных обществах традиционного типа ценности, навязываемые в процессе американской глобальной экспансии, прививаются, как правило, с большим трудом, подчас вызывая открытое неприятие и отторжение, способствуя при этом развитию обратного результата – антиамериканизма, являющегося оборотной стороной медали с надписью «Американское лидерство».

ВОСПРИЯТИЕ США В МИРЕ

В мировом сообществе сформировалось неоднозначное восприятие США и их политики [5]. Так, согласно последним данным (2019) исследовательского Центра Пью, хотя в большинстве стран мира (в Израиле – 83%, на Филиппинах – 80%, в Польше – 79%, Республике Корея – 77%, Украине – 73%, Литве – 70%, Италии – 62%, Индии – 60%, Великобритании – 57% и др.) сохраняется в целом позитивный образ США, он сегодня сочетается с низким доверием к их лидеру – президенту Д.Трампу.

В мировом общественном мнении Трамп вызывает гораздо меньшее доверие (29%), чем его предшественник Б. Обама в последний год своего президентства (74%), канцлер ФРГ А. Меркель (46%), президент Франции Э. Макрон (41%), президент России В. Путин (33%). Самый низкий показатель оказался у китайского лидера Си Цзиньпина (28%) [5].

Особенно непопулярна была внешняя политика Трампа, которая находила поддержку лишь у правых популистов по всему миру. Самый низкий уровень доверия к ней наблюдался в ФРГ (13%) и Мексике (8%). Крайне негативная реакция мирового сообщества формировалась в отношении таких действий американского президента, как рост тарифов на импорт, выход из соглашений по климату, строительство стены на американско-мексиканской границе, выход из иранской ядерной сделки.

Однако в тех странах, в которых сложилось в целом негативное общественное восприятие США, наблюдаются особенности в разных возрастных группах. Так, если в России лишь 29% опрошенных воспринимали США и американскую политику позитивно, то в возрастной группе 18–29 лет их доля составляла уже 57%. Такая же тенденция прослеживается, например, в Бразилии (56% и 78%), Мексике (36% и 42%), Словакии (54% и 75%). Молодёжь этих стран оказалась

меньше подвержена антиамериканскому влиянию, чем их старшие соотечественники [5].

Данные Центра Пью свидетельствуют, что негативное восприятие политики действующего президента США Трампа в большинстве стран мира не распространяется на позитивный образ руководимого им государства в целом. В глазах подавляющего числа респондентов, несмотря на сокращение мирового влияния США в последние десятилетия, они всё ещё продолжают сохранять притягательную силу для новых поколений иммигрантов.

ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ

Многие противники американской исключительности считают, что она постепенно с неизбежностью уйдёт или даже уже уходит вместе с закатом самой Америки. И в чём-то они правы. Как это ни парадоксально звучит, но сама суть американской нации всё-таки медленно подтачивает её основы. Изменение иммиграционной политики американских властей и иммиграционных потоков, последовавшие вслед за этим демографические сдвиги привели со временем и к изменению в соотношении между этническими сегментами американского общества.

После либерализации иммиграционного законодательства в 60-е годы XX века (закон Харта – Селлара 1965 г.) значительно возросла численность иммигрантов в первом поколении, составив почти 40 млн в 2007 г. За первое десятилетие XX века США приняли 14 млн иммигрантов (более 1 млн в год), став бесспорным мировым лидером по количеству въехавших в эту страну на постоянное место жительства.

Увеличилась иммиграция из неевропейских стран. Этнический состав американского общества стал стремительно меняться. Если в конце XIX века почти 85% иммигрантов были выходцами из Европы, то к 1990 г. их доля снизилась до 22%, а к 2000 г. – до 15%. Доля иммигрантов из Азии и Латинской Америки, наоборот, выросла с 2,5% почти до 68% [4].

Очевидное замедление прироста белого населения, ускоренный рост численности чёрных и выходцев из латиноамериканского региона приводят не только к явному смещению электоральных и партийно-политических предпочтений. Они вызывают и неизбежные сдвиги в отношении того, что всегда являлось незыблемой основой самого американизма: американской исключительности и мессианства, американского лидерства и экспансионизма, американского глобального превосходства.

Современные переселенцы (особенно из стран Латинской Америки), готовые стать американскими гражданами, с трудом воспринимают весь комплекс идей и принципов, составляющих неоспоримое наследие американского

общества и государства, переданное отцами-основателями своим преемникам. Каждый этнический сегмент по-своему воспринимает США и их политические институты, привнося при этом в новое общество свои привычки, культуру, образ жизни и поведения, которые подчас ему противоречат.

Даже чёрные, которые со времён колониальной эпохи являются исторически неотъемлемым сегментом американского общества, живут и действуют (как показали недавние социальные протесты лета 2020 г.) зачастую вразрез с привычными общеамериканскими принципами. Это и создаёт основу для размывания тех величин, которые, формируя философию американизма, всегда казались в США незыблемыми и постоянными.

Конечно, подобные процессы не происходят быстро. Они могут накапливаться годами и десятилетиями, исподволь и незаметно изменяя и общепризнанные ценности, и массовое сознание, и привычное поведение. Но именно так и развиваются все общества: медленно отказываясь от прошлого, они с трудом воспринимают новое, формируя при этом промежуточную историческую ткань, которая и связывает поколения. Хотя данное утверждение и может показаться спорным, оно всё же отражает ту противоречивую и непростую траекторию общественного прогресса, по которой движется современное человечество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И последнее. Когда мы говорим об историческом опыте США (или любого другого государства), несомненно лишь одно: историю других стран и иных народов необходимо знать, понимать и даже чувствовать. Только в этом случае каждый из нас сможет лучше понять и историю страны собственной, её явную исключительность, вполне очевидную самобытность и редкую историческую уникальность.

Изучая других, лучше познаёшь себя.

ИСТОЧНИКИ

1. Гарбузов В.Н. Американская исключительность. Краткая история одного уникального общества. // *Независимая газета*. 15 июня 2020. Available at: https://www.ng.ru/ideas/2020-06-15/7_7885_society.html (accessed 18.09.2020).

2. В речи ко Дню Победы Путин косвенно сравнил США с Третьим рейхом // *Корреспондент.net*, 10 мая 2007. Available at: <https://korrespondent.net/world/russia/189476-v-rechi-ko-dnyu-pobedy-putin-kosvenno-sravnil-ssha-s-tretim-rejhom> (дата обращения 18.09.2020); Глава Конституционного суда РФ сравнил США с нацистской Германией, а Обаму – с Гитлером // *Znak.com*. 19 Мая 2016. Available at: <https://www.znak.com/2016-05->

19/glava_konstitucionnogo_suda_rf_sravnil_ssha_s_nacistskoy_germaniei_a_obamu_s_gitlerom (дата обращения 18.09.2020).

3. The Declaration of Independence. Available at: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration> (accessed 18.09.2020).

4. Permanent Legal Immigration to the United States: Policy Overview. Congressional Research Service 7-5700 www.crs.gov R42866. May 11, 2018. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/homesec/R42866.pdf> (accessed 18.09.2020).

5. Pousher J. How people around the world see the U.S. and Donald Trump in 10 charts. // Pew Research Center. January 8. 2020. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/01/08/how-people-around-the-world-see-the-u-s-and-donald-trump-in-10-charts/>

ЛИТЕРАТУРА

Печатнов В.О., Маныкин А.С. 2018. История внешней политики США. 2-е изд., испр. и доп. М.: Международные отношения. 672 с.

Шишков В.В. 2014. Становление и развитие гегемонии США: имперское доминирование и глобализация в XX в. // *Век глобализации*. Выпуск №1(13)/2014. Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/242968/> (accessed 18.09.2020).

Рогов С.М. 2020. Новая холодная война: последствия для российского общества // *Вестник РАН*, т. 90, №3, с.279–290.

Согрин В.В. 2011. Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М: "Весь мир". 368 с.

Филиппенко А.А. 2018. Иммиграционная политика США: очерки истории. М. "Весь мир". 232 с.

Токвиль А. де, 1992. Демократия в Америке. М.: Прогресс. 559 с.

REFERENCES

Filippenko A.A. 2018. Immigratsionnaia politika SShA: ocherki istorii [U.S. Immigration Policy: Historical Essays] (In Russ.). Moscow, Ves' Mir. 232 p.

Hoefer M., Rytina N., Campbell Ch. 2005/2006. Estimates of the Unauthorized Immigrant Population Residing in the United States: January 2005// Population Estimates. August 2006. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/homesec/R42866.pdf> (accessed 03.09.2020).

Pechatnov V.O., Manikin A.S. 2018. Istoriia vneshnei politiki SShA [History of US foreign policy] (In Russ.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 368 p.

Rogov S.M. 2020. Novaiia kholodnaia voina: posledstviia dlia rossiiskogo obshchestva [A New Cold War: Consequences for Russian Society] (In Russ.) // Herald of the Russian Academy of Sciences. Vol. 90, No. 3, p. 279–290.

Sogrin V.V. 2011. Demokratiia v SShA. Ot kolonial'noi ery do XXI veka [Democracy in the USA. From Colonial Times to the XXI Century] (In Russ.). Moscow, Ves' Mir, 368 p.

Shishkov V.V. 2014. Stanovlenie i razvitie gegemonii SShA: imperskoe dominirovaniye i globalizatsiia v XX v. [Formation and development of the USA hegemony: imperial domination and globalization in the XXth century] (In Russ.). // Age of globalization. No. 1 (13)/2014. Available at:

<https://www.socionauki.ru/journal/articles/242968/> (accessed 18.09.2020).

Tocqueville A. de. 1992. Demokratiia v Amerike [Democracy in America] (In Russ, translated from English). Moscow, Progress. 559 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГАРБУЗОВ Валерий Николаевич,
доктор исторических наук, директор
Института США и Канады РАН.
Российская Федерация, 121069 Москва,
Хлебный пер., 2/3;
руководитель Центра комплексного
изучения проблем региональной без-
опасности Псковского государственного
университета
Российская Федерация, 180000, Псков,
пл. Ленина, 2.

GARBUZOV Valery Nikolaevich, Doc-
tor of historical Sciences, Director of the
Institute of the USA and Canadian Stud-
ies, Russian Academy of Sciences.
Khlebny per., 2/3, Moscow, 121069 Rus-
sian Federation;
Head of the Center for Integrated Study
of Regional Security Problems of the
Pskov State University. Pskov State Uni-
versity.
2 Lenin Square, Pskov, 180000, Russian
Federation